ОИК
1917

51046
XV-№ 24
Отд. Революц

...ЫЯ БЕСѢДЫ.

№ 20.

Ладыженскій.

ПРИЧИНЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

Цѣна 60 коп.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

МОСКВА.
1917

ОИК
1917.

НАРОДНЫЯ БЕСѢДЫ.

№ 20.

А. М. Ладыженскій.

ПРИЧИНЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

Цѣна 60 коп.

МОСКВА.
1917.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
542663.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер. домъ № 3.
1917.

Причины великой войны.

(Какъ образовались тройственное согласіе и тройственный союзъ и почему они воюютъ другъ съ другомъ).

Всякому изъ насъ случается теперь слышать, будто великую войну народовъ вызвало старое, нынѣ свергнутое царское правительство, и что поэтому ее необходимо немедленно прекратить. «Зачѣмъ продолжать дѣло, созданное отжившей властью?», — спрашиваютъ сторонники этого взгляда. «Война — утверждаютъ они — вызвана происками небольшихъ группъ, въ ней заинтересованныхъ; она обогащаетъ лишь немногихъ создавшихъ ее и ложится тяжкимъ бременемъ на широкія народныя массы. Поэтому она должна быть въ скорѣйшемъ времени закончена».

Въ виду того, что такое мнѣніе о войнѣ раздѣляется кое-кѣмъ изъ гражданъ и вызываетъ горячіе споры, намъ представляется крайне необходимымъ безпристрастно выяснить тѣ причины, которыя вызвали переживаемое нынѣ великое столкновеніе народовъ. Это мы и постараемся сдѣлать въ данной книжкѣ. Она должна дать послѣдовательное изложеніе внѣшней политики различныхъ государствъ, поскольку эта политика привела къ

раздѣленію и объединенію державъ въ происходящей теперь международной борьбѣ, и объяснить, какъ эта политика породила небывалую доселѣ войну. Только отчетливо понимая причины нынѣшняго международнаго столкновенія, мы сможемъ отнестись къ нему вполнѣ сознательно и съ тою серьезностью, которая въ данномъ вопросѣ чрезвычайно необходима.

I.

«Франкфуртскій миръ, которымъ въ 1871 году закончилась война между Германіей и Франціей, только наружно прекратилъ борьбу между этими государствами. Хотя оружіе было сложено, но скрытая война продолжалась». Эти слова, сказанныя германскимъ императоромъ Вильгельмомъ II 2-го января 1909 года во время новогодняго обѣда корпусныхъ командировъ германской арміи, вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности (хотя ихъ, конечно, не слѣдовало говорить, такъ какъ они обостряли отношенія между Франціей и Германіей).

Разгромленная въ 1871 году Франція, у которой были отняты двѣ ея богатѣйшія области—Эльзасъ и Лотарингія — и которую принудили заплатить нѣмцамъ огромную дань въ 5 милліардовъ франковъ (одинъ милліардъ=37⁰ милліоновъ рублей), не могла не относиться къ нѣмцамъ, какъ къ своимъ врагамъ. И это были очень опасные враги, потому что послѣ 1871 года разрозненныя королевства и герцогства Германіи сплотились въ единую имперію, представлявшую собою страшную угрозу для гораздо болѣе слабой Франціи.

Кромѣ того, населеніе Германіи чрезвычайно быстро росло. Съ 1871 г. по 1912 г. оно увеличилось въ $1^1/_2$ раза и теперь исчисляется въ 65 милліоновъ человѣкъ. Изъ этого числа $73^0/_0$, т.-е. почти три четверти, занимаются промышленностью и торговлею, которая послѣ 1871 г. чрезвычайно быстро развивалась. Обороты германской торговли выражались въ очень большихъ, колоссальныхъ цифрахъ. Нѣмецкіе товары приспособлялись ко вкусамъ покупателей и потому вытѣсняли постепенно товары французскіе и англійскіе. Ловкіе, изворотливые нѣмецкіе агенты (приказчики), хорошо приноравливающіеся къ желаніямъ потребителей, разъѣзжали по всѣмъ странамъ. «Отъ нѣмцевъ, — писалъ Ю. Бѣлоголовый, — буквально некуда податься. Они вездѣ со своимъ мюнхенскимъ пивомъ и великодушно-снисходительнымъ видомъ искушенныхъ дѣльцовъ, спокойно обирающихъ своихъ конкурентовъ. И какъ же ненавидѣли ихъ эти конкуренты! Съ какимъ особеннымъ сладострастіемъ мечтали они о войнѣ съ нѣмцами!». Этими конкурентами были французы и англичане. Какъ и нѣмцы, они стремились захватить внѣшніе рынки для своихъ товаровъ, которые производились и производятся въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ это нужно для внутренняго потребленія этихъ государствъ. Дѣло въ томъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ капиталистическаго хозяйственнаго строя является погоня за внѣшними рынками. Каждое государство съ развитымъ капиталистическимъ строемъ ищетъ, куда бы можно было вывозить избытокъ своихъ товаровъ. А такъ какъ въ Европѣ рынки уже болѣе или менѣе заполнены, то торговое соперничество

перенеслось въ Азію, Африку и другія страны. Особенно сильно было соперничество между Германіей и Франціей въ африканской странѣ Марокко. Когда же въ 1904 г. Франція получила право протектората въ этой странѣ, отношенія между нею и Германіей стали грозить войною. Этотъ протекторатъ былъ, въ сущности, замаскированной формою отдачи Марокко во власть французовъ. А между тѣмъ и Германія очень желала утвердиться въ этой богатой странѣ. Не удивительно поэтому, что протекторатъ Франціи надъ Марокко очень не нравился Германіи, и она противъ него сильно спорила. Споръ этотъ, чуть было не приведшій Англію и Францію къ войнѣ съ нѣмцами, на нѣкоторое время былъ улаженъ взаимнымъ соглашеніемъ. Нѣтъ смысла останавливаться здѣсь на содержаніи этого соглашенія. Важно то, что оно не удовлетворило Германію, которая дважды (въ 1909 и 1910 гг.) поднимала вопросъ о Марокко. Особенно напряжены были переговоры объ этой африканской странѣ въ 1911 г. Чтобы придать возможно большій вѣсъ заявленіямъ своихъ пословъ, нѣмцы рѣшились на «прыжокъ Пантеры». Въ марокканскую гавань Агадиръ было отправлено германское военное судно «Пантера». Французы и англичане не согласились допустить военный захватъ Марокко нѣмцами и потребовали удаленія «Пантеры» изъ Агадира. Всѣ ожидали войны. Но когда Вильгельмъ увидѣлъ, что его противники дѣйствительно станутъ воевать изъ-за «агадирскаго недоразумѣнія», онъ приказалъ «Пантерѣ» уйти изъ Марокко. Вильгельмъ не предполагалъ, что Англія и Франція пойдутъ на крайнія мѣры, и рѣшилъ просто-на-просто испугать ихъ

войной; для этого онъ и прибѣгъ къ международному застращиванію, которое однако не удалось. Такимъ образомъ, съ 1871 года и до послѣдняго времени отношенія между Германіей и Франціей всегда были болѣе или менѣе обостренными.

Но такъ какъ Франція была слабѣе Германіи, то ей нужна была союзница. Такой союзницей явилась Россія. Имѣя съ Германіей очень длинную сухопутную границу, не защищенную ни горными кряжами, ни большими рѣками, Россія всегда должна была опасаться чрезмѣрнаго усиленія Германіи. Этого тѣмъ болѣе слѣдовало бояться, чѣмъ болѣе интересы Германіи противорѣчили интересамъ Россіи. Первымъ такимъ противорѣчіемъ являлась и остается по сіе время торговая политика этихъ державъ. Вопросъ о торговомъ договорѣ всегда сильно обострялъ отношенія Россіи съ Германіей.

Главная масса товаровъ, привозимыхъ къ намъ изъ-за границы, получалась черезъ Германію или изъ Германіи. Эта держава все время упорно стремится превратить Россію въ рынокъ для сбыта продуктовъ своей чрезвычайно быстро растущей промышленности. Такое стремленіе встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны Россіи, въ которой давно уже начала развиваться своя отечественная промышленность, разрабатывающая наши несмѣтныя природныя богатства. Если разовьется русская промышленность, то въ Россіи будутъ собираться капиталы, и наши рабочіе будутъ имѣть заработокъ; наоборотъ, если наши границы будутъ открыты для иностранныхъ капиталистовъ, то наши рабочіе останутся безъ дѣла. Наша молодая промышленность не можетъ соперничать съ западно-

европейскою. Для того чтобы оградить ее отъ этого соперничества, были установлены пошлины на товары, идущіе изъ-за границы. Благодаря пошлинамъ, иностранные капиталисты были вынуждены переносить свои предпріятія и свои капиталы къ намъ, въ Россію, и, такимъ образомъ, давать заработокъ русскимъ рабочимъ и платить налоги русской казнѣ. Правда, наше министерство финансовъ часто слишкомъ сильно пользовалось своимъ правомъ налагать пошлины на иностранные товары. Бывало, что эти пошлины вводились тогда, когда это вовсе не слѣдовало бы дѣлать, вводились въ интересахъ не всей Россіи, а небольшой кучки промышленниковъ. Очень часто подъ покровомъ пошлинъ наши промышленники, не боясь иностраннаго соперничества, вздували цѣны на свои товары и не усовершенствовали способовъ производства этихъ товаровъ. Конечно, въ этихъ случаяхъ мы совершенно напрасно возбуждали противъ себя неудовольствіе въ Германіи введеніемъ налоговъ на ввозимые оттуда товары, такъ какъ эти пошлины не были необходимы для поднятія русской промышленности, а даже, наоборотъ, мѣшали техническому усовершенствованію русскихъ фабрикъ. Однако, несмотря на то, что часто пошлины вводились напрасно, нельзя сказать, будто таможенная политика Россіи была совершенно ошибочна. Въ виду тѣхъ причинъ, которыя мы перечислили выше, установленіе пошлинъ на заграничные товары для Россіи было въ общемъ выгоднымъ, а по отношенію къ нѣкоторымъ отраслямъ производства даже необходимымъ.

Однако это противорѣчило интересамъ Германіи, стремившейся захватить русскій рынокъ для своихъ

товаровъ. На почвѣ такого противорѣчія интересовъ между Россіей и Германіей возникла ожесточенная таможенная война. На наши пошлины нѣмцы отвѣчали повышеніемъ пошлинъ на продукты русскаго земледѣлія и скотоводства. На нѣмецкія пошлины мы отвѣчали повышеніемъ пошлинъ на продукты германской промышленности. Своими пошлинами нѣмцы причиняли намъ большіе убытки.

Дѣло въ томъ, что главный доходъ Россіи, главная масса денегъ, плативщихся намъ другими странами, получалась нами за продукты нашего сельскаго хозяйства. Для того чтобы платить по иностраннымъ займамъ, чтобы имѣть деньги на покупку иностранныхъ машинъ, для постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ и такъ далѣе, мы принуждены вывозить нашъ хлѣбъ и скотъ за границу. Россія—страна земледѣльческая, нашъ товаръ—зерно, мясо, масло, яйца и такъ далѣе, и наши интересы, а, стало быть, и наша международная политика, заключается въ томъ, чтобы можно было выгодно продавать эти продукты.

Когда нѣмцы облагаютъ ихъ пошлинами, они приносятъ убытки нашимъ земледѣльцамъ. Правда, пошлины на русскіе продукты невыгодны и для большинства нѣмцевъ, такъ какъ онѣ удорожаютъ цѣны на предметы первой необходимости. Однако онѣ выгодны для нѣмецкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, для нѣмецкихъ «аграріевъ», которые въ Германіи имѣютъ большой вѣсъ и значеніе.

Вслѣдствіе этого между Россіей и Германіей велась почти безпрерывная таможенная война. Нѣмцы повышали налоги на продукты русской земли, мы повышали налоги на нѣмецкіе товары.

Эта таможенная война сильно обостряла отношенія между нами и нѣмцами [1]).

Второй причиной, обострявшей наши отношенія съ Германіей, былъ такъ называемый ближневосточный вопросъ. Балканскіе интересы Россіи постоянно сталкивались съ такими же интересами Германіи и особенно съ интересами союзной съ Германіей Австро-Венгріи. Международная политика Россіи въ Европѣ въ значительной мѣрѣ опредѣляется ея интересами въ предѣлахъ Чернаго моря и на Балканахъ. Съ давнихъ временъ для Россіи являлось серьезной необходимостью пробиться къ морю. Это хорошо понималъ уже Петръ Великій. Его войны со шведами, его постройка Петербурга, его азовскіе походы,—все это диктовалось стремленіемъ пробиться къ морю. Для русской торговли вообще и для хлѣбной торговли въ частности необходимы морскія гавани. Сухопутная перевозка товаровъ стоитъ гораздо дороже, чѣмъ перевозка по водѣ. Кромѣ того, она неизбѣжно связана съ проѣздомъ черезъ земли чужестранцевъ и, стало быть, ставитъ нашу торговлю въ зависимость отъ доброй воли другихъ государствъ (и, въ особенности, Германіи и Австро-Венгріи, которыя лежатъ на пути изъ Россіи въ другія страны Западной Европы). Эти государства могутъ или запрещать провозить наши товары черезъ ихъ

---

[1]) Такъ какъ постоянное повышеніе пошлинъ съ обѣихъ сторонъ было одинаково невыгодно какъ для Германіи, такъ и для Россіи, то въ 1894 году между этими государствами былъ заключенъ торговый договоръ, по которому обѣ державы обязались не повышать пошлинъ свыше опредѣленныхъ въ договорѣ. Однако этимъ договоромъ таможенная борьба не перекратилась окончательно. Она возобновлялась какъ только истекалъ срокъ договора или какъ только какая-либо изъ договаривавшихся сторонъ возбуждала вопросъ о пересмотрѣ договора.

земли, или облагать ихъ высокими пошлинами. Чтобы избавиться отъ такой зависимости и чтобы получить дешевый и удобный способъ сообщенія, Россіи необходимо было пробиться къ морю.

Изъ всѣхъ морей самымъ удобнымъ для насъ является Черное море. Оно прилегаетъ къ плодороднымъ землямъ (черноземной полосѣ), оно является кратчайшимъ путемъ для нашей пшеницы во Францію, Италію и Грецію, оно, наконецъ, имѣетъ хорошія естественныя гавани (бухты). Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ русскіе упорно стремятся возможно прочнѣе утвердиться на берегахъ Чернаго моря, обезпечить себѣ на немъ безопасное плаваніе и получить свободу прохода черезъ проливы (Босфоръ и Дарданеллы), соединяющіе это море съ Средиземнымъ моремъ. Еще въ 1669 г. Петръ Великій, съ цѣлью получить право свободнаго прохода черезъ проливы для русскихъ судовъ, послалъ въ Турцію думнаго дьяка Украинцева для соотвѣтствующихъ переговоровъ. А чтобы эти переговоры произвели на турокъ должное впечатлѣніе, дьяку былъ данъ военный корабль «Крѣпость», на которомъ было 46 пушекъ. На этомъ кораблѣ русскій посолъ долженъ былъ подплыть къ самому Константинополю и съ пушечной пальбой бросить якорь противъ самаго дворца султана (противъ сераля). Для того чтобы турки не подумали, что это единственный военный корабль въ Россіи, Петръ I лично, съ цѣлой эскадрой военныхъ судовъ, проводилъ «Крѣпость» до самой Керчи. Впечатлѣніе на турокъ всѣ эти корабли, дѣйствительно, произвели огромное, но совсѣмъ не то, на которое разсчитывалъ Петръ. Турки до того перепугались «Крѣпости», что наотрѣзъ отказались видѣть у

себя не только военныя, но и торговыя суда Россіи, а тѣмъ болѣе пропускать ихъ черезъ проливы мимо Константинополя.

Съ этого времени и до послѣднихъ дней международная политика Россіи всегда была, такъ или иначе, связана съ вопросомъ о проливахъ. «Вопросомъ о проливахъ, а также стремленіемъ освободить балканскихъ христіанъ (въ частности славянъ) отъ турецкаго ига продиктованы всѣ наши войны съ блистательной Портой», писалъ русскій посолъ въ Сербіи кн. Гр. Н. Трубецкой. Для того чтобы имѣть проливы въ своихъ рукахъ, Россія должна была бы побѣдить Турцію и заставить ее срыть всѣ укрѣпленія, воздвигнутыя по берегамъ проливовъ. Только при этомъ условіи русское сельское хозяйство перестало бы быть въ зависимости отъ турокъ, которые каждую минуту могутъ закрыть проливы и тѣмъ нанести огромный уронъ нашей торговлѣ зерномъ (какъ это они неоднократно, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, и дѣлали). Побѣдить турокъ для русскихъ было всегда возможно, и войны съ Турціей для насъ были удачны. Однако въ своемъ стремленіи утвердиться на Балканскомъ полуостровѣ и овладѣть проливами Россія встрѣчала сопротивленіе со стороны западно-европейскихъ державъ. Не слабая и разлагающаяся Турція (которую еще Николай I называлъ «больнымъ человѣкомъ»), а стоявшія за ея спиною Германія, Англія, Австро-Венгрія мѣшали намъ овладѣть тѣмъ, къ чему мы всегда такъ стремились. Всѣ эти государства также желали получить наслѣдство «больного человѣка», желали урвать что-нибудь у Турціи и потому зорко слѣдили другъ за другомъ вообще и за Россіей въ особен-

ности, какъ бы кто не попользовался въ ущербъ другимъ.

Особенно сильно въ балканскомъ вопросѣ была заинтересована Австро-Венгрія. Послѣ австро-прусской войны 1866 г., въ которой побѣдила Пруссія, для Австріи былъ перегражденъ путь расширенія на западъ, она не могла присоединять къ себѣ нѣмецкія земли. Съ тѣхъ поръ всѣ стремленія австрійцевъ были направлены на востокъ, на Балканскій полуостровъ. Это стремленіе Австріи на Ближній Востокъ было указано ей Германіей, которая была заинтересована въ томъ, чтобы австрійцы не желали податься къ ней на западъ. Кромѣ того, усиленіе австрійцевъ на Балканахъ было важно для нѣмцевъ, какъ противовѣсъ балканскому славянству, какъ «нѣмецкое противоядіе» славянской силѣ, пробужденіе которой ихъ очень пугало. На австрійцевъ нѣмцы смотрѣли какъ на свой аванпостъ на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ нѣмецкіе интересы съ каждымъ годомъ росли. Нѣмцы успѣшно захватывали рынки въ Турціи и Персіи. Вильгельмъ II постепенно подчинялъ своему вліянію турецкое правительство и получилъ для нѣмцевъ значительныя права на Б. Востокѣ, напримѣръ,— право постройки Багдадской жел. дороги, которая должна была соединить Малую Азію съ Персидскимъ заливомъ и сильно облегчала торговое и военное преобладаніе нѣмцевъ на Б. Востокѣ. Это очень ободрило германскихъ милитаристовъ. Они начали мечтать о созданіи единой Среднеевропейской имперіи, стремиться къ тому, чтобы путь отъ Берлина черезъ Византію въ Багдадъ былъ вполнѣ открытъ для ихъ торговли. Нѣмецкіе милитаристы мечтали о трехъ «В» (Berlin—Byzanz—

Bagdad). Каждый патріотически настроенный нѣмецъ рисовалъ себѣ приблизительно такую картину: на западѣ нѣмецкія владѣнія кончаются Сѣвернымъ моремъ, на востокѣ включаютъ въ себя далекую страну халифовъ, нефтяные источники и пшеничныя поля Месопатаміи; на сѣверѣ германскія земли граничатъ съ Балтійскимъ моремъ, на югѣ онѣ уходятъ въ даль Аравіи, включаютъ долину Нила, пирамиды и теряющіеся въ пустыняхъ оазисы... Эти мечты кружили головы не только нѣмецкимъ аграріямъ и промышленникамъ, но и части соціалъ-демократовъ. Воинственныя стремленія были и, къ сожалѣнію, остаются до сихъ поръ распространенными въ широкихъ кругахъ нѣмцевъ. Стремленіе на Востокъ было очень распространено и остается и теперь сильнымъ у австрійцевъ. Вотъ почему утвержденіе на Балканахъ казалось выгоднымъ и Австро-Венгріи, и Германіи. Оно, во-первыхъ, открывало новые рынки для издѣлій австрійской промышленности, а во-вторыхъ, давало возможность австро-венгерскому хлѣбу успѣшно бороться съ сербскимъ зерномъ. Интересы австро-венгерскихъ землевладѣльцевъ противорѣчили интересамъ балканскаго (главнымъ образомъ, сербскаго) крестьянства, а интересы австро-венгерской промышленности «требовали» превращенія Балканскаго полуострова въ рынокъ для двуединой монархіи[1]).

Вслѣдствіе всего этого, отношенія между Россіей, съ одной стороны, Германіей и Австро-Венгріей— съ другой, часто носили недружелюбный характеръ. Особенно обостренными они стали въ теченіе по-

[1]) Такъ называютъ Австро-Венгрію.

слѣдняго десятилѣтія. Первымъ поводомъ къ такому обостренію отношеній было то, что въ 1908 г. Австрія объявила о присоединеніи (аннексіи) къ себѣ Босніи и Герцеговины—областей, прилегающихъ непосредственно къ Сербіи и населенныхъ сербами. Россія никакъ не соглашалась съ этимъ, протестовала противъ этого, но ея протестъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ,—австрійцы настояли на-своемъ.

Вторымъ поводомъ для взаимнаго недовольства между Россіей и Австріей,—поводомъ, наступившимъ въ скорости же послѣ аннексіи Босніи и Герцеговины,—былъ все тотъ же трудный вопросъ о Босфорѣ и Дарданеллахъ. Русскій посолъ въ Константинополѣ Н. В. Чарыковъ поднялъ вопросъ о проходѣ русскихъ военныхъ судовъ черезъ проливы. Австрія возстала противъ русскаго требованія, поддержала въ этомъ вопросѣ Турцію, и предложеніе Чарыкова было провалено. Это еще больше обострило отношенія между Россіей и Австріей и Германіей. Однако, несмотря на это все растущее обостреніе отношеній, былъ моментъ, когда, казалось, обѣ стороны хотятъ прекратить взаимную вражду. Этимъ моментомъ было свиданіе русскаго императора съ германскимъ въ Потсдамѣ. На этомъ свиданіи, происходившемъ въ 1911 году, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ вошелъ въ переговоры съ германскимъ правительствомъ. Эти переговоры привели къ тому, что нѣмцы обѣщали намъ, что Австрія больше не будетъ захватывать земли на Балканскомъ полуостровѣ. Русскіе же согласились съ нѣмцами по вопросамъ ихъ желѣзнодорожнаго строительства въ Малой Азіи и въ Персіи.

Однако дружелюбіе между Россіей и Австріей продолжалось недолго. Дальнѣйшимъ толчкомъ къ ухудшенію отношеній послужили балканскія войны 1912 года. Нѣмцы испугались усиленія и объединенія балканскихъ государствъ между собою. Они были очень обезпокоены крупными успѣхами союзниковъ въ борьбѣ съ турками. Въ Австро-Венгріи и Германіи отлично понимали, что союзъ балканскихъ народовъ достигнутъ, главнымъ образомъ, благодаря Россіи, и, конечно, были ею очень недовольны. Нѣмцы приложили всѣ усилія къ тому, чтобы уничтожить этотъ союзъ, чтобы перессорить балканскія государства между собою. Въ концѣ концовъ союзники, дѣйствительно, перессорились, и война, начавшаяся столь удачно, окончилась междоусобицей. Однако, какъ никакъ, войны 1912 года показали, что по сосѣдству съ Австріей нарождается новая сила—балканскіе славяне. Это, конечно, очень не нравилось австрійцамъ. «Лоскутная монархія» [1]) имѣетъ въ числѣ своихъ подданныхъ очень много славянъ. Украинцы (русины), поляки, чехи, сербы, хорваты представляютъ собою главную массу населенія Австро-Венгріи. Между тѣмъ политическое значеніе всѣхъ этихъ славянъ (кромѣ поляковъ и чеховъ) и ихъ политическая свобода въ Австро-Венгріи сравнительно ничтожны. Главную роль въ двуединой монархіи играютъ нѣмцы (австрійцы) и венгры (мадьяры); славяне очень недовольны этимъ и усиленно борются за увеличеніе своихъ политическихъ правъ. Конечно, всякое усиленіе ихъ соплеменниковъ въ сосѣднихъ

---

[1]) Такъ называютъ Австро-Венгрію, такъ какъ она состоитъ изъ массы различныхъ племенъ, живущихъ одно около другого, состоитъ какъ бы изъ лоскутовъ.

съ Австріей государствахъ придаетъ имъ желаніе получить больше правъ въ двуединой монархіи или даже совсѣмъ отъ нея отдѣлиться и присоединиться къ государствамъ своихъ соплеменниковъ. Такъ, напримѣръ, Боснія и Герцеговина стремятся войти въ число сербскихъ земель, а въ Галиціи было нѣкоторое тяготѣніе къ Россіи. Въ виду всего этого, усиленіе славянскихъ государствъ всегда безпокоило нѣмцевъ и венгровъ. Но не только національное объединеніе, не только политическое усиленіе славянскихъ народовъ пугало ихъ. Не нравился нѣмцамъ и тотъ, дѣйствительно, большой хозяйственный и культурный ростъ, который переживала Россія въ послѣдніе годы. Наша страна въ послѣднее пятилѣтіе передъ войной особенно сильно развивалась какъ въ торговомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ. Это очень не нравилось нѣмецкимъ милитаристамъ. Они боялись, что ихъ восточная сосѣдка окончательно освободится отъ нѣмецкой торговой и политической зависимости, и старались всячески препятствовать этому. Рознь между Германіей и Австро-Венгріей, съ одной стороны, и Россіей—съ другой, была очень велика.

II.

Стало быть, Австро-Венгрія и Германія въ балканскомъ вопросѣ оказывались врагами Россіи. Если мы теперь вспомнимъ, что Германія являлась также и врагомъ Франціи, то станетъ понятнымъ, что Россія и Франція оказывались естественными союзницами.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
542663

Это понялъ еще въ 1872 году знаменитый нѣмецкій канцлеръ князь Отто фонъ-Бисмаркъ. Онъ предугадалъ, что Россія будетъ впослѣдствіи поддерживать Францію противъ Германіи и не допуститъ ея умаленія дальше того, которое Франція испытала послѣ франко-прусской войны. Дѣйствительность вскорѣ же оправдала предположеніе Бисмарка. Въ 1875 году императоръ Александръ II личнымъ вмѣшательствомъ предотвратилъ угрожавшее тогда столкновеніе между Германіеи и Франціей.

Возможность сближенія Россіи и Франціи очень безпокоила нѣмцевъ, и потому между Германіей и Австро-Венгріей былъ заключенъ такъ называемый союзъ «взаимнаго страхованія». Въ 1879 г. австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Андраши и германскій канцлеръ князь Бисмаркъ съѣхались для заключенія этого союза въ городъ Гаштейнъ. Здѣсь оба министра говорили въ одинъ голосъ, что противъ франко-русскаго сближенія нужно заранѣе обезпечить себя заключеніемъ австро-германскаго союза. Собесѣдники быстро договорились относительно главныхъ основаній этого союза. Они условились, что Австрія и Германія должны вмѣстѣ воевать противъ Россіи въ томъ случаѣ, если послѣдняя вздумаетъ напасть на одну изъ нихъ. Впрочемъ, между Бисмаркомъ и Андраши произошло небольшое разногласіе. Бисмаркъ хотѣлъ установить взаимную поддержку Австріи и Германіи не только противъ Россіи, но и противъ какого бы то ни было другого государства. Графъ Андраши на это не согласился, Бисмаркъ уступилъ, и союзъ былъ заключенъ только противъ Россіи. Нѣмецкій министръ очень стремился сохранить

этотъ союзъ въ тайнѣ [1]). Однако императоръ Вильгельмъ I счелъ своимъ долгомъ предупредить о немъ своего родственника императора Александра II [2]).

Фактъ заключенія австро-германскаго союза побудилъ Россію пойти по пути дальнѣйшаго сближенія съ Франціей. Сближеніе осуществлялось постепенно, въ теченіе ряда лѣтъ. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ нему было то, что Россія въ то время представляла собою самодержавное государство, и потому союзъ съ нею не особенно нравился республиканской Франціи. Однако международные интересы перевѣшивали соображенія внутренней политики обѣихъ странъ, и сближеніе шло своимъ чередомъ. Въ 90-хъ годахъ французы начали изготовлять для Россіи ружья системы Лебеля и открыли русскому военному министру секретъ приготовленія бездымнаго пороха. Это показывало, какое довѣріе Франція питала къ Россіи. Но особенно ясно обнаружилось сближеніе между Франціей и Россіей въ 1891 году, когда французскій флотъ, во главѣ съ адмираломъ Жерве, пріѣхалъ въ Кронштадтъ. Императоръ Александръ III лично встрѣчалъ французскихъ гостей, а музыка играла по очереди «Марсельезу» и «Боже, царя храни». Въ 1892 году начались переговоры между Россіей и Франціей о конвенціи (международномъ соглашеніи) между этими державами, а въ 1895 году

[1]) Бисмаркъ долгое время вообще старался не порывать дружественныхъ отношеній съ Россіей. Съ этою цѣлью онъ въ 1884 году заключилъ съ нею союзъ въ городѣ Скерневицахъ. Этотъ союзъ между Германіей и Россіей, названный Бисмаркомъ союзомъ „перестрахованія", совершенно не былъ извѣстенъ ни Италіи, ни Австріи.

[2]) Спустя нѣкоторое время, а именно 3-го февраля 1883 г., союзный договоръ между Австріей и Германіей былъ одновременно опубликованъ обѣими договорившимися сторонами.

французскій предсѣдатель совѣта министровъ Рибо заявилъ въ парламентѣ, что Россія и Франція находятся въ союзѣ другъ съ другомъ. Этотъ союзъ получилъ названіе двойственнаго союза. Онъ положилъ начало той системѣ международнаго равновѣсія, которое держалось въ Европѣ въ концѣ XIX и началѣ XX вѣковъ.

Сближеніе между Франціей и Россіей открывало обоимъ этимъ государствамъ возможность совмѣстно выступать въ своихъ международныхъ дѣлахъ и поддерживать другъ друга, когда ихъ интересы того требовали. Для Франціи союзъ ея съ Россіей давалъ увѣренность, что она не останется одинокой въ случаѣ войны съ Германіей, облегчалъ помѣщеніе излишка французскихъ денегъ въ русскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ и въ русскихъ государственныхъ бумагахъ. Россіи же этотъ союзъ былъ выгоденъ тѣмъ, что онъ облегчалъ ей заемъ большихъ денегъ, необходимыхъ для проведенія желѣзныхъ дорогъ и для поднятія промышленности. Кромѣ того, онъ давалъ намъ союзника на случай войны съ Германіей.

Еще до заключенія русско-французскаго соглашенія, а именно въ 1882 году, Австрія и Германія привлекли на свою сторону Италію. Этому государству приходилось выбирать между союзомъ съ Франціей и союзомъ съ Австріей и Германіей. Союзъ съ Франціей (не имѣвшій тогда еще поддержки въ лицѣ Россіи) былъ совершенно недостаточенъ для охраны интересовъ Итальянскаго королевства. Къ тому же интересы Италіи въ нѣкоторыхъ вопросахъ противорѣчили интересамъ Франціи. Главной помѣхой для союза этихъ государствъ было то, что французы заняли афри-

канскую страну Тунисъ. Эта страна находится очень близко отъ принадлежащаго Италіи острова Сициліи, и сосѣдство французовъ было для Италіи крайне нежелательнымъ. Дѣло въ томъ, что сама Италія стремилась утвердиться въ Африкѣ, и соперничество Франціи въ этомъ дѣлѣ ее пугало. Изъ болѣе мелкихъ причинъ, препятствовавшихъ сближенію между Франціей и Италіей, можно указать на то, что итальянское монархическое правительство боялось союза съ республиканской Франціей. Противорѣчія интересовъ Италіи съ интересами Франціи побуждали Италію сблизиться съ врагами французовъ—нѣмцами. Къ сближенію съ Германіей склоняла Италію также и надежда на то, что, благодаря ему, итальянскіе порты будутъ передаточными мѣстами для товаровъ, которые изготовляются въ Германіи, и надежда на то, что эти товары будутъ возиться отчасти черезъ Италію и на итальянскихъ судахъ. Въ то время у нѣмцевъ еще не было такого огромнаго торговаго флота, который они имѣли передъ началомъ теперешней войны. Поэтому нѣмцы пользовались итальянскими судами, что было очень выгодно для Италіи и служило однимъ изъ основаній къ ея сближенію съ Германіей. Вслѣдствіе всего этого Италія долгое время шла рука объ руку съ Германіей и Австро-Венгріей. Тройственный союзъ казался довольно прочнымъ. Такъ, онъ былъ возобновленъ 13-го марта 1887 г., въ 1891 г., въ 1892 г. и только въ 1902 г. его возобновили на существенно новыхъ условіяхъ.

Однако союзъ съ Германіей, и тѣмъ болѣе съ Австро-Венгріей, былъ все же не вполнѣ удобенъ для Италіи. Онъ приносилъ ей не только выгоды,

но и убытки. По мѣрѣ того, какъ шли годы, отношенія между Италіей, съ одной стороны, и Австро-Венгріей и Германіей—съ другой, все болѣе и болѣе портились, а отношенія Италіи къ Франціи становились все лучшими и лучшими. Невыгодность для Италіи участвовать въ тройственномъ союзѣ становилась все болѣе и болѣе очевидной. Союзъ между Италіей и Германіей все болѣе и болѣе становился «союзомъ лошади съ сѣдокомъ», при чемъ роль лошади исполняла Италія. А эта роль, конечно, не прельщала итальянцевъ. Они, во-первыхъ, никакъ не могли забыть, что Тріестъ и Тріентъ, исконныя итальянскія земли, принадлежатъ Австро-Венгріи; во-вторыхъ, хозяйственные интересы юго-западной Италіи заставляли ее направлять свое вниманіе на Балканскій полуостровъ, эту по истинѣ страну раздоровъ. А здѣсь итальянскіе интересы сталкивались съ австрійскими. Это толкало итальянцевъ къ сближенію съ противницами тройственнаго союза: съ Россіей и, особенно, съ Франціей. Возможность соглашенія между Италіей и Франціей стала гораздо большей, чѣмъ это было въ 1882 году. Итальянская монархія настолько окрѣпла, что союзъ съ республиканской Франціей пересталъ пугать итальянскихъ монархистовъ. А потомъ, Франція порвала дружественныя отношенія съ римскимъ папой, съ которымъ итальянское правительство также находится (со времени завоеванія Италіей города Рима и всей Папской области въ 1871 г.) въ неладахъ. Это также служило почвой для сближенія съ Франціей. Все только что сказанное хорошо понялъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе. Благодаря его стараніямъ, а также стара-

ніямъ выдающагося французскаго посла г. Боррея, между Франціей и Италіей состоялось въ 1901 г. неписанное соглашеніе. Это соглашеніе имѣло огромное вліяніе на судьбу тройственнаго союза. Благодаря ему, возобновленіе союза между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей въ 1902 году произошло на совершенно новыхъ основаніяхъ. Намъ неизвѣстенъ договоръ, заключенный между этими государствами въ 1906 году. Однако достаточное освѣщеніе этого договора даютъ слова французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе, сказанныя имъ въ парламентѣ 3-го іюля 1902 г. «Италія,—говорилъ министръ,—ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не можетъ стать ни пособникомъ, ни орудіемъ противъ нашей страны». Это хорошо учитывали и нѣмцы. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ профессора Дельбрюка, напечатанной въ 1908 году и обсуждавшей возможность нынѣшней войны, уже дѣлалось предположеніе, что Италія будетъ воевать вмѣстѣ съ Россіей и Франціей противъ Германіи.

Зато вмѣсто Италіи нѣмцы пріобрѣли себѣ союзниковъ въ лицѣ недавнихъ враговъ Италіи—турокъ. Порта въ послѣдніе годы окончательно подпала подъ торговое и военное вліяніе нѣмцевъ. Боясь славянъ, боясь Россіи, съ которой она ведетъ вѣковой споръ изъ-за проливовъ, Порта призвала къ себѣ на помощь нѣмцевъ и вполнѣ подчинилась имъ. Турція, повидимому, считала, что союзъ съ Германіей является для нея своего рода «страхованіемъ жизни». Это, конечно, было очень непріятно для Россіи и еще больше ухудшало отношенія между нею и Германіей.

III.

Отъ всѣхъ этихъ соглашеній, заключенныхъ на материкѣ Европы, расположенная на островахъ Англія долгое время старалась уклоняться. Чтобы быть совершенно свободной въ преслѣдованіи своихъ интересовъ, Англія почти до самаго послѣдняго времени (до 1902 года) не заключала союзовъ ни съ однимъ государствомъ. Она предпочитала быть въ такъ называемомъ блистательномъ одиночествѣ, поддерживая, время отъ времени, то государство, съ которымъ ей въ данную минуту было по пути. Во время образованія двойственнаго (русско-французскаго) и тройственнаго (германо-австро-итальянскаго) союзовъ Англія симпатизировала скорѣе тройственному союзу, чѣмъ союзу франко-русскому. Это происходило оттого, что въ то время, т.-е. въ концѣ XIX вѣка, интересы Англіи противорѣчили интересамъ Франціи и Россіи.

Съ Франціей Англія сталкивалась въ своей борьбѣ за рынки, въ своей колоніальной политикѣ. Эта борьба между Англіей и Франціей была настолько острой, что въ 1898 году дѣло чуть было не дошло до войны. Не менѣе обостренными были отношенія и между Россіей и Англіей. Причиной нашей продолжительной вражды къ Англіи было и воспоминаніе о томъ, что въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ Англія не позволила намъ занять Константинополь и лишила насъ, въ союзѣ съ Германіей и Австро Венгріей, главныхъ плодовъ нашихъ побѣдъ надъ турками (на Берлинскомъ конгрессѣ,—въ 1878 году), и то, что она поощряла Австро-Венгрію утвердиться на Ближнемъ

Востокѣ (на Балканахъ), куда Россія издавна стремилась. Но главной причиной непріязненныхъ отношеній между Россіей и Англіей, причиной, обусловливающей до нѣкоторой степени всѣ другія причины, было соперничество между этими государствами въ Азіи.

XIX и XX вѣка представляютъ собою эпоху раздѣла всего земнаго шара между европейцами. Въ этомъ раздѣлѣ Россія все время стремилась какъ можно больше получить для себя въ Азіи. Утвердиться въ Персіи и на Дальнемъ Востокѣ, на берегахъ Великаго океана, было страстнымъ желаніемъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Персія представляла, да и теперь представляетъ собою, можно сказать, единственную страну, которую Россія постепенно превращаетъ въ свою колонію, въ рынокъ для продуктовъ своей промышленности. А Дальній Востокъ привлекалъ насъ къ себѣ какъ своими природными богатствами, такъ и тѣмъ, что, утвердившись тамъ, мы могли бы устроить порты на берегахъ Великаго океана. Гавани эти впослѣдствіи были бы намъ очень нужны, такъ какъ онѣ облегчали бы торговлю Сибири. Одно время наше министерство иностранныхъ дѣлъ даже отложило въ долгій ящикъ вопросъ о проливахъ на Черномъ и Эгейскомъ моряхъ и всѣ свои помыслы устремило на Тихій океанъ. Послѣ постройки Великаго Сибирскаго пути главный интересъ нашей внѣшней политики былъ перенесенъ съ Ближняго Востока на Дальній Востокъ—съ береговъ Чернаго моря на берега Великаго (Тихаго) океана. Все это очень не нравилось Англіи. Она всегда боялась за Индію, свою самую богатую и въ то же время не вполнѣ спокойную колонію,

Съ ростомъ же нашихъ завоеваній въ Средней Азіи и на Дальнемъ Востокѣ ея опасенія все больше и больше возрастали. Особенно зорко слѣдили англичане за успѣхами Россіи въ Афганистанѣ [1]) и въ Персіи. Они боялись, что, утвердившись тамъ, Россія будетъ угрожать находящейся недалеко оттуда Индіи. Когда же, въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, политика Россіи покатилась по рельсамъ Великаго Сибирскаго пути на Дальній Востокъ, отношенія между Россіей и Англіей еще болѣе ухудшились. Наша дальневосточная политика, по мнѣнію англичанъ, угрожала имъ полнымъ вытѣсненіемъ съ Дальняго Востока. Упроченіе русскихъ на берегахъ Великаго океана считалось въ Англіи серьезнымъ нарушеніемъ политическаго равновѣсія въ Азіи. А вѣдь англичане, какъ мы на это уже указывали, всегда заботились о томъ, чтобы ни одно государство не усилилось настолько, чтобы этимъ нарушилось равновѣсіе на материкѣ Европы или Азіи. Подъ вліяніемъ опасенія чрезмѣрнаго усиленія Россіи англичане даже отказались (въ 1902 г.) отъ своей любимой политики «блистательнаго одиночества» и вступили въ союзъ съ Японіей, которая также сильно опасалась усиленія русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Этотъ союзъ между Англіей и Японіей, собственно говоря, и далъ возможность послѣдней вступить въ войну съ Россіей и положить предѣлъ нашему стремленію къ Великому океану.

Мы не можемъ въ этой книжкѣ подробно оста-

---

[1]) Афганистанъ—государство въ Азіи между принадлежащимъ Россіи Туркестаномъ и принадлежащей Англіи Индіей. Поэтому Афганистанъ представляетъ собою какъ бы буферъ между Россіей и Англіей.

навливаться на разсмотрѣніи тѣхъ интересовъ, которые различныя державы имѣли на Дальнемъ Востокѣ. Отмѣтимъ только, что въ лицѣ Японіи Англія и Соединенные Штаты поддерживали новую силу, выросшую противъ Россіи. Наоборотъ, Германія на Дальнемъ Востокѣ тогда поддерживала Россію. Это она дѣлала, во-первыхъ, потому, что сама тамъ была сравнительно мало заинтересована, а, во-вторыхъ, потому, что она очень стремилась отвлечь вниманіе Россіи отъ Ближняго Востока. Единеніе между Россіей и Германіей по вопросу о Дальнемъ Востокѣ ясно обнаружилось послѣ японо-китайской войны 1895 года. Война эта была очень удачна для Японіи, но Россія, Франція и Германія выступили совмѣстно съ требованіемъ, чтобы японцы не занимали Ляодунскаго полуострова [1]). Это требованіе было поддержано посылкой военнаго флота, и японцамъ пришлось ему подчиниться. Чтобы обезпечить себѣ поддержку на Дальнемъ Востокѣ со стороны Германіи и для того, чтобы оградить себя отъ всякихъ случайностей на Балканахъ, Россія заключила черезъ два года послѣ этого, т.-е. въ 1897 году, соглашеніе съ Австро-Венгріей. Въ этомъ соглашеніи обѣ договаривающіяся державы заявляли о своей взаимной «незаинтересованности» на Ближнемъ Востокѣ. Такимъ образомъ, къ большому удовольствію Австріи и Германіи, Россія одно время отказалась отъ активной политики на Ближнемъ

[1]) Ляодунскій полуостровъ Манджуріи находится вблизи острововъ Японіи и представляетъ для послѣдней большой интересъ, такъ какъ туда переселяется много японцевъ, которымъ жить на островахъ стало уже тѣсно, и такъ какъ оттуда японцы легче, чѣмъ непосредственно со своихъ острововъ, могутъ вести торговлю съ Китаемъ.

Востокѣ и устремилась къ водамъ Тихаго океана. Это очень пугало Японію, которая неоднократно предлагала Россіи подѣлить съ нею сферы вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Россіи было бы очень выгодно заключить съ Японіей соглашеніе, такъ какъ оно развязывало бы намъ руки для нашей политики въ Европѣ. Это было бы пріятно и нашимъ союзникамъ французамъ, которыхъ наше соглашеніе съ Австро-Венгріей и Германіей и наше стремленіе на Дальній Востокъ сильно пугало. Они, какъ мы объ этомъ подробнѣе скажемъ ниже, чувствовали себя одно время довольно одинокими противъ Германіи и подыскивали себѣ, кромѣ Россіи, еще другого союзника. Но мы не пошли на выгодныя для насъ предложенія Японіи и довели дѣло до несчастной войны, къ которой Россія совершенно не была подготовлена. Въ результатѣ этой войны мы имѣемъ на Дальнемъ Востокѣ гораздо меньше того, что Японія намъ предлагала безъ всякаго сопротивленія.

Ослабленіе Россіи, о которомъ до войны никто и не думалъ, сильно и сразу нарушило равновѣсіе на Дальнемъ Востокѣ. Это было совсѣмъ не въ интересахъ Англіи, которая никогда не являлась сторонницей чрезмѣрнаго ослабленія одной державы въ пользу другихъ. Поэтому Англія перемѣнила свои отношенія къ Россіи. Она даже оказала воздѣйствіе на Японію въ томъ смыслѣ, чтобы эта послѣдняя пошла на миръ съ Россіей. Миръ былъ гораздо удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать по ходу войны. Однако онъ положилъ предѣлъ нашимъ дальневосточнымъ затѣямъ и перенесъ центръ тяжести нашей политики изъ Азіи въ Европу, съ Дальняго Востока—на Ближній. Японія

этой войной также была очень ослаблена. Кромѣ того, теперь ей приходилось соперничать съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки изъ-за принадлежащихъ С. Штатамъ Самоанскихъ острововъ и американскихъ Филиппинъ, которые находятся вблизи Японіи и куда, какъ и на Ляодунскій полуостровъ, о которомъ мы писали выше, постоянно переселяется избытокъ японскаго населенія. Вслѣдствіе этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ Японія, несмотря даже на побѣдоносную для нея войну, охотно пошла навстрѣчу своей недавней соперницѣ Россіи и въ 1910 году заключила съ нею союзъ.

Послѣ этого соглашенія — «подмороженнымъ», если даже не рѣшеннымъ до нѣкоторой степени оказался уже не ближневосточный, а дальневосточный вопросъ. Вслѣдствіе этого мы получили возможность продолжать нашу прежнюю политику на Балканскомъ полуостровѣ,—политику, которая была начата еще Петромъ Великимъ и которую хотѣли оставить, когда пошли на Дальній Востокъ.

Въ послѣдующіе годы намъ удалось достигнуть сближенія съ Англіей по вопросамъ нашей политики въ Средней Азіи. 31-го августа 1907 года въ Петроградѣ была заключена англо-русская конвенція (соглашеніе) о Персіи, Афганистанѣ и Тибетѣ. Въ этомъ соглашеніи какъ Россія, такъ и Англія проявили извѣстную взаимную уступчивость и поэтому имъ удалось подѣлить между собою «сферы вліянія». Россія получила сѣверную Персію, а Англія—южную. Кромѣ того, Англія обязалась передъ Россіей не захватывать ни Афганистана, ни Тибета. Россія, въ свою очередь, также обязалась не захватывать Тибета. Такимъ

образомъ, и въ Средней Азіи спорные вопросы были—по крайней мѣрѣ, до поры, до времени—улажены, и Англія изъ нашей соперницы становилась нашей благожелательницей.

Еще раньше, чѣмъ съ Россіей, начала Англія сближаться съ Франціей. Когда мы перенесли центръ тяжести нашей политики на Дальній Востокъ, наша союзница Франція почувствовала себя довольно одинокой передъ Германіей. Французы отлично понимали, что занятые Дальнимъ Востокомъ, мы будемъ ладить съ Германіей и не окажемъ Франціи достаточной поддержки въ случаѣ, если это потребуется. Правда, Франція энергично вооружалась и увеличивала количество своихъ войскъ, но все-таки она не могла бы сама справиться въ случаѣ нападенія на нее Германіи. Послѣдняя чрезвычайно быстро усиливалась и, несмотря на всѣ старанія Франціи, становилась все болѣе и болѣе могущественной по сравненію съ нею. Это происходило, между прочимъ, отъ того, что населеніе Германіи растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ населеніе Франціи. Въ то время какъ населеніе послѣдней увеличивалось на какіе-нибудь 30—40 тысячъ человѣкъ въ годъ (а въ 1909 году лишь на 18,424 человѣка), приростъ населенія Германіи достигалъ 900 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ силы Германіи все больше и больше возрастали по сравненію съ силами Франціи. Въ то же время Франція сильно богатѣла. Она постепенно, вмѣстѣ съ Бельгіей, становилась всемірнымъ кредиторомъ и возбуждала жадность Германіи. Поэтому Франція принуждена была искать себѣ еще союзника, кромѣ Россіи. Такимъ союзникомъ явилась Англія. Правда, между

Англіей и Франціей не всѣ вопросы были окончательно разрѣшены, и имѣлись поводы къ серьезнымъ спорамъ. Такъ, напримѣръ въ 1899 году между этими государствами изъ-за Фашоды [1]) чуть было не возникла война, и французы даже хотѣли одно время вступить въ союзъ съ Германіей для того, чтобы вмѣстѣ съ нею и съ Россіей посчитаться съ англичанами. Однако, взвѣсивъ свои интересы серьезнѣе, французы предпочли уступить Англіи для того, чтобы имѣть въ ея лицѣ союзника противъ Германіи. И, дѣйствительно, благодаря дѣятельности французскаго посла въ Лондонѣ Поля Камбона и французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе между Англіей и Франціей началось сближеніе. Сближеніе это усилилось послѣ вступленія на престолъ нынѣ покойнаго англійскаго короля Эдуарда VII. Въ результатѣ сближенія между Англіей и Франціей 8 апрѣля 1904 г. было подписано англо-французское соглашеніе. Въ этомъ соглашеніи договаривающіяся стороны размежевали между собою «сферы вліянія» въ Азіи и Африкѣ. Это соглашеніе было первымъ шагомъ къ образованію наблюдаемой нами теперь группировки державъ. Вторымъ такимъ шагомъ было англо-русское соглашеніе 1907 года, о которомъ мы говорили выше. Послѣдующіе годы еще болѣе укрѣпили связь между Россіей и Франціей, съ одной стороны, и Англіей—съ другой. Такъ, въ 1907 г. Россія выступила совмѣстно съ Англіей

---

[1]) Фашода — городъ въ Африкѣ, на рѣкѣ Нилѣ. Франція въ ноябрѣ 1897 года рѣшила присоединить его къ себѣ, чтобы такимъ образомъ укрѣпиться на плодородныхъ берегахъ Нила. Въ іюлѣ 1898 г. отрядъ французовъ занялъ Фашоду. Но Англія заявила, что если французы не уйдутъ оттуда, то она будетъ воевать съ Франціей. Въ концѣ-концовъ французы уступили.

противъ полученія нѣмцами права строить желѣзныя дороги въ Малой Азіи вплоть до Персидскаго залива. Для русскихъ было совершенно ясно, что эта постройка не что иное, какъ начало торговаго захвата азіатскихъ владѣній Турціи, что она поведетъ за собою утвержденіе нѣмцевъ у проливовъ. Англія же боялась за Индію, лежащую близъ Персидскаго залива. Это побудило названныя державы совмѣстно выступить противъ германскихъ плановъ въ Малой Азіи. Это же было причиной того англо-русскаго соглашенія 1907 года относительно Персіи, Афганистана и Тибета, о которомъ мы писали выше. Дальнѣйшее сближеніе между франко-русскимъ союзомъ и Англіей не заставило себя долго ждать. Такъ, въ 1908 году Англія поддержала Францію въ ея спорѣ съ Германіей изъ-за Марокко. Лѣтомъ 1909 года члены Государственной Думы ѣздили во Францію и Англію и своей поѣздкой также способствовали упроченію дружбы между этими государствами. Тройственному союзу Германіи, Австро-Венгріи и Италіи было противопоставлено, такимъ образомъ, тройственное согласіе Россіи, Англіи и Франціи.

Однако, что же побудило Англію вступить въ тѣсный союзъ съ Россіей? Что побудило ее поддерживать Францію? Причиною этому является необыкновенный ростъ Германіи, ея чрезвычайное усиленіе. Германія все время, начиная съ 1871 г., съ момента своего объединенія, усиливались какъ въ промышленномъ, хозяйственномъ, такъ и въ военномъ отношеніи. Между тѣмъ, послѣ русско-японской войны и послѣ внутреннихъ неурядицъ Россія нѣсколько ослабѣла, и это сильно нарушило политическое равновѣсіе въ Европѣ въ пользу

Германіи. Нарушеніе равновѣсія на материкѣ Европы всегда очень не нравилось Англіи; она боялась чрезмѣрнаго усиленія одного государства въ ущербъ другимъ. Тѣмъ болѣе не нравилось Англіи усиленіе Германіи. Дѣло въ томъ, что Германія явилась, такъ сказать, очереднымъ соперникомъ Англіи на аренѣ міровой торговли. Мы уже отмѣчали, что Англія всегда зорко охраняла это свое преобладаніе отъ всѣхъ соперниковъ. Всю исторію международныхъ отношеній новаго времени можно было бы разсмотрѣть съ точки зрѣнія этой борьбы Англіи съ ея постоянно возникающими соперниками. Когда-то давно такимъ соперникомъ была Испанія. Послѣ того какъ она была побѣждена и стала державою второстепенною,— соперникомъ Англіи явилась Голландія, потомъ Франція (вспомнимъ походъ Наполеона на Египетъ, стремленіе его идти въ Индію, вспомнимъ его «континентальную» систему [1]) и такъ далѣе); а позднѣе англичане опасались и Россіи (Крымская война, Берлинскій конгрессъ, русско-японская война). Теперь соперницей Англіи явилась Германія. Мы уже указывали выше, какъ сильно росла нѣмецкая торговля и какъ она постепенно вытѣсняла торговлю французскую и англійскую. Соотвѣтственно нѣмецкой торговлѣ росъ и нѣмецкій флотъ. Извѣстно, что императоръ Вильгельмъ сказалъ: «Будущее Германіи—на водахъ». И, дѣйствительно, нѣмцы очень быстро строили какъ военныя, такъ и торговыя суда. Въ 1909 году въ Велико-

[1]) Континентальная система, введенная Наполеономъ I во всѣхъ странахъ, подпавшихъ подъ его вліяніе, заключалась въ полномъ воспрещеніи этимъ странамъ вести какія бы то ни было сношенія (особенно торговыя) съ Англіей. Эта система была устроена съ цѣлью подорвать англійскую торговлю.

британіи очень испугались, когда узнали о громадномъ ростѣ нѣмецкаго судостроенія, о постройкѣ новыхъ доковъ, о расширеніи сталелитейныхъ заводовъ Круппа. Англичане привыкли, что у нихъ нѣтъ соперниковъ на морѣ. И вдругъ такой соперникъ явился! Поэтому англичане также начали усиленно строить военныя и торговыя суда. Между ними и нѣмцами начинается гонка: кто построитъ больше броненосцевъ. Эта гонка была разорительна для обѣихъ сторонъ. Она не могла продолжаться долго, и такъ или иначе нужно было ее прекратить. Для этого было только два средства: или война съ нѣмцами, или соглашеніе съ ними объ ограниченіи судостроенія какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи. Соглашенія съ нѣмцами достигнуть было невозможно. Нѣмцы настойчиво желали сравняться силами на морѣ съ англичанами. Это было имъ необходимо для упроченія и расширенія ихъ торговли. Германія требовала для себя совмѣстнаго съ Англіей господства въ міровой торговлѣ. «Нѣмецкая нація рядомъ съ англійской,—писалъ германскій журналистъ Рорбахъ,—является въ одно и то же время и достаточно многочисленной, и внутренне крѣпкой для того, чтобы притязать на участіе въ судьбахъ наступающей міровой эпохи». Ростъ Германіи совершался стихійно. «Мы подобны дереву, корни котораго находятся въ расщелинѣ скалы,—говорили они о себѣ.—Либо мы раздвинемъ скалу и будемъ расти, либо сопротивленіе нашему росту будетъ такъ велико, что мы засохнемъ отъ недостатка питанія». Конечно, это сравненіе преувеличиваетъ необходимость для Германіи расширять свои владѣнія. Неограниченный захватъ все новыхъ рынковъ отнюдь не былъ,

какъ нѣмцы стремятся доказать, безусловно необходимъ для процвѣтанія ихъ народа. Здѣсь была, какъ это часто бываетъ среди капиталистическихъ государствъ, просто чрезмѣрная жадность. Эта жадность развивалась по мѣрѣ достиженія нѣмцами успѣховъ. По мѣрѣ роста нѣмецкой промышленности и нѣмецкихъ рынковъ росла воинственность Германіи. Нѣмцы стремились къ завоеванію рынковъ безъ войны. Они съ этой цѣлью направились было въ Южную Америку, но столкнулись здѣсь съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки. Потомъ Германія обратила свое вниманіе на Дальній Востокъ. Здѣсь она пошла рука объ руку съ Россіей, но вмѣстѣ съ этой послѣдней встрѣтила сопротивленіе со стороны Японіи. Послѣ русско-японской войны дальнѣйшее движеніе на Дальній Востокъ было до нѣкоторой степени стѣснено какъ для Германіи, такъ и для Россіи. Поэтому Германія устремилась въ Африку и въ Среднюю Азію. Въ Африкѣ, въ Марокко, Германія столкнулась съ Франціей и стоявшей за ея спиною Англіей и потерпѣла неудачу. Послѣ этого она двинулась въ Малую Азію (постройка Богдадской желѣзной дороги), но и здѣсь она встрѣтилась съ Англіей и Франціей. Получилась такая картина: Англія была очень недовольна Германіей за то, что нѣмецкіе товары вытѣсняли англійскіе, а Германія была недовольна Англіей за то, что послѣдняя не позволяла ей захватить въ свои руки земли въ Азіи и въ Африкѣ. Становилось ясно, что безъ войны дѣло не обойдется. Столкновеніе между Германіей и Англіей было неизбѣжнымъ. Споръ между этими государствами былъ не случайнымъ разногласіемъ по тому или иному поводу и даже

не пререканіемъ изъ-за того или иного серьезнаго вопроса. Этотъ споръ вытекалъ изъ коренного противорѣчія основныхъ жизненныхъ интересовъ двухъ великихъ державъ. Поэтому вооруженное столкновеніе Германіи съ Англіей съ каждымъ годомъ становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Обѣ стороны это хорошо сознавали и усилено готовились къ борьбѣ.

Если мы примемъ все это во вниманіе, то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ желаніе Англіи найти себѣ союзниковъ на материкѣ Европы. Такими союзниками, естественно, являлись Россія и Франція. Первая была для Англіи особенно цѣнной. Дѣло въ томъ, что, сильная на морѣ, Англія совершенно не обладала сухопутной арміей. А для войны съ нѣмцами такая армія была необходима. Поэтому вполнѣ понятно стремленіе Англіи сблизиться съ нами, хотя бы ей при этомъ и пришлось пойти даже на нѣкоторыя уступки по отношенію къ намъ.

Что же побуждало Россію и Францію сближаться съ Англіей? Къ этому ихъ вели отношенія съ Германіей и Австро-Венгріей, все болѣе и болѣе обострявшіяся. Въ это время произошла какъ разъ аннексія Босніи и Герцеговины (1908 г.), состоялось выступленіе Н. В. Чарыкова, разыгрались балканскія войны (1912 г.) и другія событія, о которыхъ мы разсказывали выше. Въ это же время между Франціей и Германіей происходили, какъ это нами тоже было отмѣчено выше, крупные нелады изъ-за Марокко (1905, 1909, 1910 гг.). Все это способствовало сближенію Англіи, Франціи и Россіи, и «тройственное согласіе» сплочивалось все сильнѣе и сильнѣе.

IV.

Такимъ образомъ въ междугосударственныхъ отношеніяхъ скопилось много взрывчатаго матеріала. Обѣ стороны — тройственное согласіе, съ одной стороны, и австро-германскій союзъ—съ другой—готовились на случай войны. Особенно—нѣмцы; они провели у себя новый военный законъ, согласно которому всѣ капиталы, находящіеся въ Германіи, облагались единовременнымъ налогомъ на усиленіе вооруженій. Этотъ новый военный налогъ далъ германскому правительству больше милліарда марокъ*) «на нужды обороны страны». Французы, въ свою очередь, удлинили у себя срокъ военной службы съ двухъ лѣтъ на три года. Русскіе, съ своей стороны, также сильно увеличили количество призываемыхъ новобранцевъ. Англичане усиленно строили военныя суда.

Взрывчатаго матеріала въ отношеніяхъ между государствами собралось чрезвычайно много. Стоило только уронить спичку, чтобы произошелъ тотъ ужасный взрывъ, та великая война народовъ, которую мы теперь переживаемъ.

Теперь намъ остается хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ прослѣдить, какъ это произошло. Это необходимо сдѣлать, такъ какъ переговоры, предшествующіе войнѣ, еще больше сплотили между собою государства тройственнаго согласія и, наоборотъ, ясно показали рознь между Италіей и ея товарищами по тройственному союзу.

Выше мы уже указывали, насколько въ Австріи

---

*) Германская марка равна 47 русскимъ копейкамъ.

боялись усиленія славянтсва на Балканахъ и насколько готовились къ войнѣ съ сербами. Еще въ іюлѣ 1913 года Австро-Венгрія сообщила Италіи свое намѣреніе выступить противъ Сербіи... На это сообщеніе итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что «если Австро-Венгрія выступить противъ Сербіи, то она будетъ дѣйствовать за свой страхъ». Германія въ то время также не считала нужнымъ поддерживать воинственныя стремленія Австріи, и потому походъ на Сербію былъ отложенъ до болѣе удобной минуты. Такая минута наступила приблизительно черезъ годъ, въ теченіе котораго Германія и Австрія усиленно вооружались. 28 іюня въ городѣ Сараевѣ былъ убитъ австрійскій наслѣдникъ престола Францъ-Фердинандъ. Убійцами оказались сербы, мечтавшіе объ отторженіи Босніи и Герцеговины отъ Австро-Венгріи и о присоединеніи ихъ къ Сербіи. Австрійское правительство обвинило въ этомъ убійствѣ всю Сербію, которой предъявило требованіе о закрытіи обществъ, враждебныхъ Австро-Венгріи, объ изданіи закона, строго карающаго всякое враждебное Австро-Венгріи сужденіе, высказанное въ печати, и, наконецъ, о допущеніи австрійскихъ властей производить на сербской землѣ разслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ Франца-Фердинада. На требованіе австрійцевъ Сербія отвѣтила, что она закроетъ тѣ общества, которыя враждебны Австріи, что она сама произведетъ разслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ Франца-Фердинанда, что при этомъ разслѣдованіи она будетъ принимать во вниманіе указанія австрійскаго правительства, но что она не можетъ допустить, чтобы чужіе чиновники распоряжались на сербской землѣ. Послѣ

этого отвѣта ни въ коемъ случаѣ нельзя было подозрѣвать Сербію въ укрывательствѣ «цареубійцъ». Но австрійцы не удовлетворились имъ и объявили, что пойдутъ на Сербію «карательной экспедиціей». Это ясно показываетъ, что желаніе воевать съ Сербіей сложилось у австрійцевъ совсѣмъ не на почвѣ мести за убитаго эрцгерцога, а изъ стремленія къ новымъ пріобрѣтеніямъ на Ближнемъ Востокѣ. Объ этомъ довольно ясно говорили и сами австрійцы въ официальныхъ документахъ; это хорошо понимали и иностранные представители [2]). Австрія и Германія очень не дооцѣнивали силы Россіи [3]); онѣ надѣялись, что Англія не приметъ участія въ войнѣ, и хотѣли поживиться на счетъ Бельгіи и французскихъ колоній. Съ цѣлью удержать Англію отъ участія въ войнѣ нѣмцы пустились на разныя хитрости.

Германскій посолъ въ Вѣнѣ фонъ-Чирскій заявилъ англійскому послу, что Россія во время карательной экспедиціи останется спокойна (12/25 іюля, Британская Бѣлая книга № 32). Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ заявилъ англійскому послу, будто «Россія и не въ настроеніи и не въ состояніи вести войну». Въ опроверженіе этого 12 іюля было опубликовано рѣшеніе русскаго совѣта министровъ о томъ, что «правительство зорко слѣдитъ за развитіемъ сербско-австрійскаго столкно-

---

[2]) Англійскій посолъ и итальянскій секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ прямо утверждали, что австрійцы хотятъ захватить себѣ Сербію.

[3]) „Австрійскій посолъ сказалъ мнѣ сегодня,—донесъ 15/28 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ,—что всеобщая война въ высшей степени невѣроятна, такъ какъ Россія не хочетъ и не въ состояніи вести войну. Мнѣ кажется, что это мнѣніе раздѣляется въ Берлинѣ очень многими".

венія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной». Предложеніе сэра Э. Грея о посредничествѣ державъ между Австріей, Сербіей и Россіей было отвергнуто австрійскимъ правительствомъ. 15-го (28) іюля гр. Берхтольдъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, говорилъ нашему посланнику въ Вѣнѣ, что австрійское правительство, рѣшившись на энергичныя мѣры противъ Сербіи, не можетъ входить въ какіе бы то ни было переговоры объ условіяхъ австрійской ноты. Въ тотъ же день Австрія открыла военныя дѣйствія противъ Сербіи. 17-го гр. Берхтольдъ телеграфировалъ, что «мы (т.-е. австрійцы) никогда не намѣревались измѣнить ни одного пункта въ нотѣ». Англія предложила созвать конференцію для улаженія конфликта, но Германія отвергла посредничество. За день передъ этимъ германскій посолъ въ Петроградѣ гр. Пурталесъ заявилъ Сазонову, что Германія рѣшила мобилизовать свои силы. Въ отвѣтъ на это въ Россіи, какъ доносилъ 18-го Бьюкененъ, было «рѣшено опубликовать указъ объ общей мобилизаціи. Такое рѣшеніе принято вслѣдствіе доклада русскаго посла въ Вѣнѣ, что Австрія рѣшилась не уступать передъ посредничествомъ державъ и что она передвигаетъ войска не только противъ Сербіи, но и противъ Россіи. Россія также имѣетъ основаніе полагать, что Германія активно занимается военными приготовленіями, и не можетъ допустить, чтобы она получила преимущество». Поэтому Россія не согласилась на требованіе Германіи немедленно прекратить мобилизацію. Это только и было нужно Вильгельму II, который не замедлилъ объявить Россіи войну, несмотря на всѣ старанія другихъ

державъ тройственнаго согласія предотвратить конфликтъ.

Послѣ того какъ Россія отвѣтила отказомъ на ультиматумъ Германіи прекратить мобилизацію, и послѣ того какъ между Россіей и Германіей была объявлена война, императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ англійскому королю Георгу V, что Николай II не дождался результатовъ его посредничества и «оставилъ его безъ всякихъ извѣстій»[4]) и что онъ приметъ мѣры къ «обезпеченію своихъ восточныхъ границъ». А нѣмецкій государственный секретарь фонъ-Яговъ сказалъ англійскому послу въ Берлинѣ, что «такъ какъ нѣкоторыя русскія войска перешли границу, то Германія и Россія находятся въ состояніи войны».

Эта наивная ложь, конечно, не могла вовлечь англичанъ въ обманъ. Ихъ отношеніе къ войнѣ опредѣлялось исключительно реальными интересами Англіи. Вопросъ относительно Сербіи мало затрагивалъ интересы англичанъ, и потому, пока рѣчь шла о ней, Англія была довольно равнодушна. Но когда 16/29 іюля англійскій посолъ въ Берлинѣ завелъ рѣчь съ германскимъ имперскимъ канцлеромъ относительно того, обѣщается ли Германія не трогать Бельгію и французскія колоніи, и когда на это ему не было дано удовлетворительнаго отвѣта, тогда англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ германскому послу въ Лондонѣ, что «не можетъ быть рѣчи о вмѣшательствѣ (Англіи)... если Франція не будетъ вовлечена въ борьбу. Но... если положеніе будетъ таково, что

---

[4]) Это было написано послѣ объявленія войны, послѣ германскаго ультиматума, и потому является явнымъ вымысломъ.

мы будемъ считать вмѣшательство необходимымъ съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, намъ придется вмѣшаться сразу же, и наше рѣшеніе будетъ быстрымъ, такъ же, какъ и рѣшенія другихъ державъ». И, дѣйствительно, какъ только англичане убѣдились, что Германія хочетъ, чтобы они стояли въ сторонѣ, «пока будутъ захватываться французскія колоніи, а Франція будетъ разбита», то англичане присоединились къ двойственному союзу Россіи и Франціи, и тройственное согласіе съ минуты объявленія войны Англіей въ дѣйствительности стало новымъ тройственнымъ союзомъ Россіи, Франціи и Англіи противъ Германіи и Австро-Венгріи. Это присоединеніе Англіи къ союзу государствъ, борющихся противъ Германіи и ея союзницы, произошло потому, что Англія не могла допустить захвата нѣмцами Бельгіи, откуда они имѣли бы удобный путь для нападенія на Великобританію; англичанамъ нельзя было допустить и того, чтобы нѣмцы разбили Францію и тѣмъ самымъ нарушили равновѣсіе на материкѣ Европы; они отлично понимали, что сильная и воинственная Германія попытается разбить всѣ государства поодиночкѣ, если ей съ самаго начала не противопоставить прочный союзъ великихъ державъ; наконецъ борьбу за колоніи и за рынки необходимо было довести однажды до конца, и, разъ нѣмцы начали уже войну, то возможность мирной борьбы и конкуренціи отпадала.

Свободолюбивые англичане были искренне возмущены, когда узнали о беззастѣнчивомъ стремленіи нѣмцевъ овладѣть маленькой свободной, трудолюбивой, культурной и при томъ постоянно нейтральной страною и разорить ее. Чтобы предотвратить это,

они задолго до войны заключили съ бельгійцами тайное соглашеніе, по которому англійскія войска, въ случаѣ нападенія нѣмцевъ на Бельгію, обязаны немедленно высадится ей на помощь. Это соглашеніе дало поводъ нѣмцамъ обвинить Бельгію въ нарушеніи нейтралитета, который она обязана соблюдать по договору 1839 г., заключенному между нею съ одной стороны, и Россіей, Пруссіей, Франціей и Англіей, съ другой.

Однако, эти нѣмецкія обвиненія совершенно неосновательны и недобросовѣстны. Роясь въ бельгійскомъ архивѣ военнаго департамента, германцы нашли записку начальника бельгійскаго главнаго штаба отъ 19 апрѣля 1906 г. и донесеніе бывшаго бельгійскаго посланника въ Берлинѣ барона Грейндля, относящееся къ 1911 г. Въ первомъ изъ этихъ документовъ изложено содержаніе разговора между начальникомъ бельгійскаго генеральнаго штаба генераломъ Дюкарномъ и англійскимъ военнымъ атташе въ Бельгіи, полковникомъ Борнадистономъ, который въ 1906 г. отъ имени англійскаго правительства секретно заявилъ начальнику бельгійскаго генеральнаго штаба, что въ случаѣ европейской войны, нѣмцы, навѣрное, нападутъ на Бельгію и что поэтому англійское правительство предлагаетъ бельгійцамъ свою помощь и спрашиваетъ, сколько времени бельгійскія войска смогутъ сдерживать наступленіе германцевъ. На это предложеніе генералъ отвѣтилъ, что его правительство будетъ очень благодарно англичанамъ за десантъ, но что англичане не должны высаживать свои войска на бельгійскій берегъ раньше, чѣмъ нѣмцы нарушатъ нейтралитетъ Бельгіи. Относительно силы бельгійской арміи ген. Дюкарнъ сказалъ, что она такова,

что сможетъ выдержать напоръ нѣмцевъ, пока англичане не придутъ на помощь.

Донесеніе бельгійскаго посланника бар. Грейндля касалось плана защиты Люксембурга, въ случаѣ нарушенія нѣмцами люксембургскаго нейтралитета. Опасаться этого бельгійцы имѣли основанія, такъ какъ недалеко отъ бельгійской границы нѣмцы устроили въ 1910 году огромный военный лагерь и провели желѣзную дорогу, не имѣющую экономическаго значенія. Поэтому вполнѣ естественно, что бельгійцы вступали въ соглашеніе съ англичанами относительно охраны своего нейтралитета. Нѣмцы же выставляютъ это соглашеніе (при чемъ они не всегда опубликовываютъ его полностью и опускаютъ оговорку бельгійцевъ о томъ, что англійскія войска могутъ высадиться въ Остенде только послѣ того, какъ нѣмцы нарушатъ бельгійскій нейтралитетъ) какъ неисполненіе обязательствъ постоянно нейтральнаго государства и этимъ стараются оправдать свое давно задуманное нападеніе на Бельгію. Для нихъ явилось неожиданнымъ, что ихъ планы были разгаданы и что еще въ 1906 г. Англія рѣшительно заявила о своемъ намѣреніи вступиться за страну, неприкосновенность которой она обязалась охранять еще по договору о постоянномъ нейтралитетѣ Бельгіи, по договору, который нѣмецкій дипломатъ назвалъ, какъ извѣсто, клочкомъ бумаги. Если международныя соглашенія для Германіи являются клочкомъ бумаги, то не таковы они для насъ и нашихъ союзниковъ. Всякое государство имѣетъ право и даже должно строго преслѣдовать свои дѣйствительные, реальные интересы. Въ этомъ отношеніи англійская дипломатія, трезво и неуклонно защища-

вшая интересы своей страны, заслуживаетъ всяческаго одобренія и подражанія. Внѣшняя политика основывается на строгомъ расчетѣ. Но она, тѣмъ не менѣе, должна быть честной. Англія долгое время не заключала ни съ кѣмъ союзовъ, находя, что это не входитъ въ ея задачи. Но заключая союзы, она ихъ выполняетъ, и въ этомъ она также поступаетъ правильно, ибо строитъ международную жизнь на основахъ права, взаимнаго довѣрія и взаимной отвѣтственности и этимъ способомъ отстаиваетъ свой національно-государственный интересъ. Честь и достоинство государства составляютъ величайшую цѣнность, и совершить безчестный поступокъ, нарушить свои обязательства, это—величайшее несчастье для всякаго культурнаго народа. Вотъ почему Англія, какъ только нѣмцы напали на Бельгію, сейчасъ же поспѣшила ей на помощь. Вотъ почему Франція, когда Россія спросила ее о томъ, что она будетъ дѣлать въ случаѣ возникновенія войны, заявила, что французскій народъ исполнитъ всѣ свои союзныя обязательства, какъ бы тяжелы они ни были. И оба народа свято блюдутъ свои союзныя обязательства и до сихъ поръ.

Таковъ въ существенныхъ своихъ чертахъ ходъ международной жизни, приведшій къ возникновенію переживаемой нами теперь войны. Изъ всего сказаннаго мы видимъ, что теперешняя борьба народовъ вызвана всей исторіей международныхъ отношеній послѣднихъ лѣтъ, а не желаніемъ небольшой группы капиталистовъ и не произволомъ нашего бывшаго царя, который очень тяготѣлъ къ нѣмцамъ и даже, какъ извѣстно, не прочь былъ

заключить съ ними сепаратный миръ. Правда, промышленники чрезвычайно нажились отъ войны. Но это можно прекратить, установивъ очень большой налогъ на военную прибыль и на крупную собственность. Правда также, что до сихъ поръ удачные исходы войны были главнымъ образомъ на пользу богатыхъ круговъ населенія. Но при истинно-демократическомъ, подлинно народномъ, образѣ правленія это будетъ иначе.

На все сказанное нѣкоторые возразятъ: «лучше, чтобы войнъ вообще не было, лучше совсѣмъ не воевать, независимо отъ того, въ чьихъ интересахъ войны ведутся. Всякая война разорительна для народа и жестока». Да, скажемъ мы, лучше, чтобы войнъ не было и, конечно, мыслимо такое общественное устройство при которомъ ихъ не будетъ, а всѣ даже самые острые вопросы международной жизни будутъ рѣшаться не кровью и желѣзомъ, какъ совѣтовалъ Бисмаркъ, а мирнымъ, правовымъ, судебнымъ порядкомъ. Къ такому устройству необходимо стремиться. Но въ переживаемое нами время нельзя забывать того, въ какихъ обстоятельствахъ намъ приходится дѣйствовать, нельзя упускать изъ виду существующаго международнаго и внутригосударственнаго устройства въ другихъ странахъ. Мечта о лучшемъ прекрасна и полезна, но это не значитъ, что ее возможно немедленно осуществить въ жизни. Братство народовъ—идеалъ очень высокій, но онъ неосуществимъ теперь, когда нѣмцы топчутъ нашу землю; и этого нельзя ни на минуту забывать.

«Съ началомъ войны, когда грянулъ громъ пушекъ мы, соціалисты,—такъ говорилъ выдающійся борецъ за идеалы соціализма Густавъ Эрве,—

упали съ облаковъ, гдѣ мы парили мыслями, думая о томъ, что наступаетъ братство народовъ,— на землю. Но зато это была наша родная земля, которую мы должны всячески защищать и отстаивать». Въ приведенныхъ словахъ заключается именно тотъ лозунгъ, который у насъ въ Россіи необходимо теперь отстаивать всѣми силами.

А. М. Ладыженскій.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Того же издательства

I. Народныя бесѣды.

№ 1. Прив.-доц. Н. А. Арсеньевъ. О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 6 к.

№ 2. Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ. Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Цѣна 7 коп.

№ 3. Н. Ф. Езерскій. Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Ц. 12 к.

№ 4. Н. Ф. Езерскій. Наши союзники-французы. Цѣна 30 коп.

№ 5. Прив.-доц. Н. А. Арсеньевъ. О свободѣ и обязанностяхъ гражданина Ц. 7 к.

№ 6. Н. Ф. Езерскій. Наши союзники-англичане. Цѣна 25 коп.

№ 7. Н. Ф. Езерскій. Наши союзники-бельгійцы. Цѣна 25 коп.

№ 8. П. Ф. Преображенскій. Учредительныя Собранія на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.

№ 9. Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій. Какъ строилась американская демократія. Цѣна 15 к.

№ 12. Прив.-доц. С. Ѳ. Кечекьянъ. Что такое Учредительное Собраніе? Ц. 6 коп.

№ 13. Проф. А. А. Рождественскій. Сложныя государства.

№ 14. Прив.-доц. И. А. Ильинъ. Что значитъ быть гражданиномъ.

№ 15. Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій. Великая американская демократія,

№ 17. П. Д. Бурскій. Братанье съ врагомъ. Цѣна 20 к.

№ 18. П. Д. Бурскій. Революція и офицеры

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. Проф. Р. Ю. Виппер. Соціализмъ и соціальная реформа. Цѣна 30 к.

№ 5. П. Ѳ. Преображенскій. Пангерманизмъ и Россія. Цѣна 25 к.

№ 10. Проф. В. М. Хвостовъ. Женщина въ обновленной культурѣ. Цѣна 30 коп.

№ 12. Прив.-доц. Д. П. Кончаловскій. Личность и общество. Цѣна 30 к.

Складъ изданія: Москва, Скобелевская площ., гостинница бывш. „Дрезденъ", Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета, а также Орелъ, Гостинная, д. Скоропадскихъ, кв. 2.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

ОИК-58649

DUK-58649

Того же издательства:

I. Народныя бесѣды.

№ 1. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 6 к.

№ 2. **Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ.** Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Ц. 7 к.

№ 3. **Н. Ф. Езерскій.** Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Цѣна 12 к.

№ 4. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники французы. Ц. 30 к.

№ 5. **Прив.-доц. Н. А. Арсеньевъ.** О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. Ц. 7 к.

№ 6 **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники англичане Цѣна 25 коп.

№ 7. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники бельгійцы. Цѣна 25 коп.

№ 8. **П. Ф. Преображенскій.** Учредительныя Собранія на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.

№ 9. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Какъ строилась американская демократія. Цѣна 15 коп.

№ 12. **Прив.-доц. С. Ѳ. Кечекьянъ.** Что такое учредительное собраніе? Цѣна 6 коп.

№ 13. **Проф. А. А. Рождественскій.** Сложныя государства.

№ 14. **Прив.-доц. И.А.Ильинъ.** Что значитъ быть гражданиномъ.

№ 15. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. I. Цѣна 20 коп.

№ 17. **П. Д. Бурскій.** Братанье съ врагомъ. Цѣна 20 коп.

№ 18. **П. Д. Бурскій.** Революція и офицеры. Цѣна 20 коп.

№ 21. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. II Цѣна 40 к.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. **Проф. Р. Ю. Виппперъ.** Соціализмъ и соціальная реформа Ц. 30 к.

№ 2. **Профессоръ Р. Ю. Виппперъ.** Очеркъ исторіи соціализма въ новѣйшее время. Цѣна 60 коп.

№ 5. **П. Ѳ. Преображенскій.** Пангерманизмъ и Россія. Цѣна 25 коп.

№ 10. **Проф. В. М. Хвостовъ.** Женщина въ обновленной культурѣ. Цѣна 40 коп.

№ 12. **Прив.-доц. Д. П. Кончаловскій.** Личность и общество. Ц. 30 к

Складъ изданія: Москва, Скобелевская площадь, гостиница бывш. „Дрезденъ“ Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета (Телеф 3-96-32 и 3-96 34), а также: Орелъ, Гостиная, домъ Скоропадскихъ, кв. **КОССОВСКАГО.**

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва